

БИБЛИОТЕКА КОМСОМОЛЬСКОГО АГИТАТОРА

П. ЛИДОВ

ТАНЯ

г. Барнаул
Издательство «Алтайская правда»
1943

В первых числах декабря 1941 года в Петрищеве, близ города Вереи, немцы казнили неизвестную девушку-партизанку.

Она тогда не назвала себя, и никто не знал, кто она и откуда родом. А незадолго до разыгравшейся в Петрищеве трагедии один из верейских партизан встретил эту девушку в лесу. Они вместе грелись в потаённой партизанской землянке, и девушка назвала себя Таней. Больше местные партизаны не встречали её, но знали, что где-то здесь, неподалеку, заодно с ними действует отважная партизанка Таня.

Она из предосторожности скрыла своё настоящее имя. Лишь после её смерти и после того, как Петрищеве было освобождено от немцев, стало известно, кто эта девушка.

То была Зоя Анатольевна Космодемьянская, ученица 10-го класса школы № 201 Октябрьского района г. Москвы.

Ей было восемнадцать лет, она рано липилась отца и жила матерью Любовью Тимофеевной и братом Шуриком близ Тимирязевского парка, в доме № 7 по Александровскому проезду.

Высокая, стройная, широкоплечая, с живыми тёмными глазами и чёрными, коротко остриженными волосами — таким рисуют друзья её внешний облик. Зоя была задумчива, впечатлительна, застенчива, и часто вдруг густой румянец заливал её смуглое лицо.

За что бы она ни принималась, чего бы ни решила достигнуть, — во всём была необычайно трудолюбива, настойчива.

Когда её избрали комсомольским группоргом в классе, она решила начать обучение малограмотных домохозяек. Учителями должны были быть школьники-комсомольцы. С каким упорством добивалась Зоя, чтобы это дело было доведено до конца! Ребята взялись сначала охотно, но ездить приходилось далеко, и многие быстро остыли. Зоя настаивала, напоминала по двадцать раз; требовала, журила ленящихся: она не могла понять, как можно отступить, бросить начатое, изменить своему слову и долгу...

Так же относилась она и к учебе. Перед уроками литературы читала книги (прочла их множество) и выписывала понравившиеся места. Математика давалась ей хуже, но терпеливо, часами, сидела она над учебником алгебры, разбирая каждую формулу до тех пор, пока не усваивала её окончательно.

А русскую литературу и русскую историю Зоя любила страстно.

Мы можем судить теперь о мере этого увлечения, находя в её тетрадках целые страницы из «Войны и мира», читая её классные работы об Илье Муромце и Кутузове.

Что же влекло её больше всего? Великое, героическое прошлое нашей страны, сила и слава народа. Образы высокой человеческой чистоты и морали, запечатленные в книгах Пушкина, Толстого, Белинского, Тургенева, Герцена, Некрасова. Её воображение пленял трагический и жертвенный путь Чернышевского.

Вот выдержки из записной книжки Зои Космодемьянской:

«В человеке должно быть всё прекрасное: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. (Чехов)».

«Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь. (Маяковский)».

«Умри, но не давай поцелуя без любви. (Чернышевский)».

«Ах, если бы латы и шлем мне достать,

Я стала б отчизну свою защищать...

Уж враг отступает пред нашим полком,

Какое блаженство быть храбрым бойцом! (Гете)».

Быстрая запись карандашом:

«Какая любвеобильность и гуманность в «Детях солнца» Горького!».

И далее:

«В «Отелло» — борьба человека за высокие идеалы правды, моральной чистоты. Тема «Отелло» — победа настоящего большого человеческого чувства!».

Настоящие большие чувства, лучшие человеческие идеалы правды, моральной чистоты, самоотверженная борьба за свой народ, за его счастье, независимость и свободу — вот это и влекло к себе с неудержимой силой серьёзную молодую девушку-комсомолку, советскую школьницу.

И мы знаем теперь из этих тетрадок, которым поверяла свои помыслы Зоя, как ненавидела она всякую ложь, трусость, моральную нечистоту, как стремилась к тому, чтобы не было у неё двух мер в жизни: одна «для мечты», другая «для действительности». О чем мечтала она, как о самом высшем счастье? О том, чтобы оказаться достойной великих борцов за народ, о том, чтобы подобно им, послужить святому народному делу, о подвиге во славу своего народа.

Июнь 1941 года. Последние экзамены. Зоя переходит в десятый класс, а через несколько дней начинается война. Теперь можно осуществить то, к чему готовила себя, о чём передумала Зоя. Страстно, горячо выступает она на собрании комсомольской организации. Девушка уходит на строительство оборонительных укреплений. Как всегда, она отдаёт новому, необычному для неё делу всю себя. Работает сильно, по-мужски. Её ставят в пример товарищам, юношам и девушкам, комсомольцам и некомсомольцам.

Враг наступает. Зоя хочет стать бойцом. Она идёт доброволь-

цем в истребительный отряд.

И вот она в большой, показавшейся ей суровой комнате, перед столом, за которым сидит командир отряда. Командир долго и испытующе вглядывается в лицо девушки.

— Не боитесь?

— Нет, не боюсь.

— В лесу, ночью, одной?..

— Нет, ничего.

— А если к немцам попадетесь? Если пытать будут?

— Выдержу!..

Командир принял Зою в отряд. Вот они, латы и шлем бойца, которые грезились Зое!

17 ноября она послала матери последнее письмо: «Дорогая мама! Как ты сейчас живешь, как себя чувствуешь, не больна ли? Мама, если есть возможность, напиши хоть несколько строчек. Вернусь с задания, так приеду погостить домой. Твоя Зоя». А в свою книжечку занесла строку из «Гамлета»: «Прощай, прощай и помни обо мне».

На другой день у деревни Обухово, близ Наро-Фоминска с грушой комсомольцев-партизан Зоя перешла через линию фронта на занятую противником территорию.

Две недели они жили в лесах, ночью выполняли своё боевое задание, а днём грелись в лесу у костра и спали, сидя на снегу, прислонившись к стволу сосны.

Пищи было запасено на пять дней. Её растянули на пятнадцать, и последние сухари уже подходили к концу. Иных утомили трудности похода, но Зоя ни разу не пожаловалась на лишения. Пора было возвращаться, но ей казалось, что сделано мало. Она решила остаться, проникнуть одна в Петрицево, занятое немцами. Она знала, что идёт на очень трудное, очень опасное дело, может быть на смерть. Товарищи помнят, как она сказала: «Пусть я там погибну. Зато десяток немцев уничтожу».

То было в дни наибольшей опасности для Москвы. Враг вышел на рубеж канала Москва—Волга, захватил Яхрому, обстреливал Серпухов, вплотную подошёл к Кашире и Зарайску. Дачные местности за Голицыным и Сходней стали местами боёв, а в Москве слышалась артиллерийская канонада.

Небольшая, окружённая лесом деревня Петрицево была битком набита немецкими войсками. Тут стояла кавалерийская часть. Сюда же был отведён на отдых батальон 332-го пехотного полка 197-й немецкой дивизии. В каждой избе разместили по 10—20 солдат. И те из колхозников, кто не успел уйти с Красной Армией и не скрылся в леса, те, обобранные до нитки, голодные, были выброшены в холодные сени, а то и прямо на мороз.

В эту деревню и направилась Зоя. В первую ночь ей удалось уничтожить несколько занятых немцами изб, конюшню немецкой воинской части и в ней семнадцать лошадей.

Попавший к нам унтер-офицер 10-й роты 332-го полка Карл Бейерлейн в своих показаниях написал: «Это было на русском фронте в ноябре 1941 года. Поля и леса покрылись снегом. Наш батальон отошёл в эту ночь в деревню Петрищево, лежащую в нескольких километрах от фронта. Мы были рады отдыху и вскоре ввалились в избу. В небольшом помещении было тесно. Русскую семью выставили на ночь на улицу. Только мы вздремнули, как стража подняла тревогу. Четыре избы вокруг нас пылали. Наша изба наполнилась солдатами, оставшимися без крова...».

Товарищи, комсомольцы-партизаны, ждали Зою в условленном месте, но она не возвратилась. Её уже считали погибшей. Но она была жива и всё ещё считала, что сделала мало. Поэтому ушла из деревни, в которой немцы забили тревогу, и со свойственным ей упорством выжидала удобного момента, чтобы вернуться. Где провела она два дня и две ночи в этом ожидании? Этого мы не знаем. Скованный ранними морозами, уже заметенный снегом лес не расскажет об этом. Но через два дня, когда стемнело, она снова пришла в деревню продолжать своё дело.

На этот раз Зоя пробралась к конюшне на краю села, в которой находилось свыше двухсот лошадей германской кавалерийской части. На Зое была шапка, меховая куртка, стеганые ватные штаны, сапоги, а через плечо — сумка. Подойдя к конюшне, она сунула за пазуху наган, который держала в руке, достала из сумки бутылку с бензином, полила из неё и потом нагнулась, чтобы чиркнуть спичкой.

В этот момент подкрался часовой и обхватил её сзади руками. Зоя оттолкнула немца, выхватила револьвер, но выстрелить не успела. Солдат выбил у неё из рук оружие и поднял тревогу.

Зою ввели в крайний дом и тут разглядели, что это девушка. В избу набились фашисты и, как передаёт хозяйка дома Мария Седова, все повторяли: «Фрау партизан, фрау партизан!»¹ Здесь девушку раздели и били, а через двадцать минут босую, в одной сорочке и трусиках через всё селение повели в дом Ворониных, где помещался штаб.

Там уже знали о поимке партизанки, и уже была предрешена её судьба. Зою ещё не приводили, а переводчик торжествующе объявил Ворониным, что завтра утром партизанку публично повесят.

И вот ввели Зою, указали на нары. Она села. Против неё на столе стояли телефоны, пишущая машинка, радиоприёмник и были разложены штабные бумаги.

Стали сходитьсь офицеры. Хозяевам дома было велено выйти. Старуха замешкалась, и офицер прикрикнул: «Матка, фьють!» и подтолкнул её в спину.

Командир 332-го пехотного полка 197-й дивизии подполковник Рюдерер сам допрашивал Зою.

¹ Женщина-партизан.

Сидя на кухне, Воронины все же могли слышать, что происходит в комнате. Офицер задавал вопросы, и Зоя (тут она и назвалась Таней) отвечала на них без запинки, громко и дерзко.

— Кто вы? — спросил подполковник.

— Не скажу.

— Это вы подожгли вчера конюшню?

— Да, я.

— Ваша цель?

— Уничтожить вас.

Пауза.

— Когда вы перешли через линию фронта?

— В пятницу.

— Вы слишком быстро дошли.

— Что ж, зевать, что ли?

Зою спрашивали о том, кто послал её и кто был с нею. Требовали, чтоб выдала своих друзей. Через дверь доносились ответы: «нет», «не знаю», «не скажу», «нет». Потом в воздухе засвистели ремни, и слышно было, как стегали по телу. Через несколько минут молоденький офицерик выскочил из комнаты в кухню, уткнул голову в ладони и просидел так до конца допроса, зажмурив глаза и заткнув уши. Не выдержали даже нервы фашиста...

Четверо дюжих мужчин, сняв пояса, избивали девушку. Хозяйка дома насчитала двести ударов, но Зоя не издала ни одного звука. А после опять отвечала: «нет», «не скажу», только голос её звучал глуше, чем прежде.

Как-то Зоя написала в своей школьной тетради об Илье Муромце: «Когда его одолевает злой нахвальщик, то сама земля русская вливает в него силы». В те роковые минуты словно сама родная, советская земля дала Зое могучую, не девичью силу. Эту дивную силу с изумлением вынужден был признать даже враг.

Унтер-офицер Карл Бейерлейн присутствовал при пытках, которым подверг Зою Космодемьянскую подполковник Рюдерер. В своих показаниях он написал:

«Маленькая героиня вашего народа осталась тверда. Она не знала, что такое предательство... Она посинела от мороза, раны её кровоточили, но она не сказала ничего».

Два часа провела Зоя в избе Ворониных. После допроса её повели в избу Василия Кулика. Она шла под конвоем, попрежнему раздетая, ступая по снегу босыми ногами.

Когда её вводили в избу Кулика, на лбу у неё было большое иссиня-чёрное пятно и ссадины на ногах и руках. Она тяжело дышала, волосы её растрепались, и чёрные пряди слиплись на высоком, покрытом каплями пота лбу. Руки девушки были связаны сзади верёвкой, губы искусаны в кровь и вздулись. Наверно, кусала их, когда пытками хотели вырвать признание.

Она села на лавку. Немецкий часовой стоял у двери. Сидела спокойно и неподвижно, потом попросила пить. Василий Кулик по-

дошёл было к кадлушке с водой, но часовой опередил его, схватил со стола лампу и поднёс Зое ко рту. Он хотел этим сказать, что напоить надо керосином, а не водой.

Кулик стал просить за девушку. Часовой огрызнулся, но потом нехотя уступил и разрешил подать Зое напиток. Она жадно выпила две больших кружки.

Солдаты, жившие в избе, окружили девушку и громко потешались. Одни шпыняли кулаками, другие подносили к подбородку зажжённые спички, а кто-то провёл по её спине пилой.

Вдосталь натешившись, солдаты ушли спать. Тогда часовой вскинул винтовку наизготовку и велел Зое подняться и выйти из дома. Шёл по улице сзади, почти вплотную приставив штык к её спине. Потом крикнул: «Цурюк!»¹ и повёл девушку в обратную сторону. Босая, в одном белье, ходила она по снегу до тех пор, пока мучитель сам не продрог и не решил, что пора вернуться под тёплый кров.

Этот часовой караулил Зою с десяти вечера до двух часов ночи и через каждый час выводил её на улицу на пятнадцать-двадцать минут. Мы не знаем, каким ещё надругательствам и мучениям была подвергнута Зоя во время этих страшных ночных прогулок...

Наконец на пост встал новый часовой. Несчастной разрешили прилечь на лавку.

Улучив минуту, Прасковья Кулик заговорила с Зоей.

— Ты чья будешь? — спросила она.

— А вам зачем это?

— Сама-то откуда?

— Я из Москвы.

— Родители есть?

Девушка не ответила.

Она пролежала до утра без движения, ничего не сказав более и даже не застонала, хотя ноги её были отморожены и, видимо, сильно болели.

Попуту солдаты начали строить посреди деревни виселицу.

Прасковья снова заговорила с девушкой:

— Позавчера — это ты была?

— Я... Немцы сгорели?

— Нет.

— Жаль. А что сгорело?

— Кони ихние сгорели. Сказывают — оружие сгорело.

В десять часов утра пришли офицеры. Один из них снова спросил Зою:

— Скажите, кто вы?

Зоя не ответила.

— Скажите, где находится Сталин?

¹ Назад

— Сталин находится на своем посту, — ответила Зоя.

Продолжения допроса хозяева дома не слышали — их выбросили из дому и впустили обратно, когда допрос уже был окончен.

Принесли Зоины вещи: кофточку, брюки, чулки. Тут же был её вещевой мешок, и в нём — сахар, спички и соль. Шапка, меховая куртка, пуховая вязаная фуфайка и сапоги исчезли. Их успели поделить между собой унтер-офицеры, а рукавицы достались рыжему повару с офицерской кухни.

Зою одели, и хозяева избы помогали ей натягивать чулки на почерневшие ноги. На грудь повесили отобранные у неё бутылки с бензином и доску с безграмотной надписью: «Зажигатель домов». Так и вывели на площадь, где стояла виселица.

Место казни окружали десятеро конных с саблями наголо, больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местным жителям было приказано собраться и присутствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые, придя и постояв, потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

Под спущенной с перекладины петлей были поставлены один на другой два ящика. Девушку приподняли, поставили на ящик и накинули на шею петлю. Один из офицеров стал наводить на виселицу об'ектив своего «кодака». Комендант сделал солдатам, выполнявшим обязанность палачей, знак обождать.

Зоя воспользовалась этим и, обращаясь к колхозникам и колхозницам, крикнула громким и чистым голосом:

— Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Стоявший рядом немец замахнулся и хотел то ли ударить её, то ли зажать ей рот, но она оттолкнула его руку и продолжала:

— Мне не страшно умирать, товарищи. Это — счастье — умереть за свой народ.

Фотограф снял виселицу издали и вблизи и теперь пристраивался, чтобы сфотографировать её сбоку. Палачи беспокойно поглядывали на коменданта, и тот крикнул фотографу:

— Абер дох шнеллер!¹

Тогда Зоя повернулась в сторону коменданта и крикнула ему и немецким солдатам:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами!

Палач подтянул веревку, и петля сдавила Зоино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы:

¹ Скорее же!

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!..

Палач уперся кованым башмаком в ящик, который заскрипел по скользкому, утопанному снегу. Верхний ящик свалился вниз, и гулко стукнулся оземь. Толпа отшатнулась. Раздался и замер чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса...

Площадь быстро опустела. В тот день никто из жителей деревни не выходил больше на улицу без крайней необходимости. А те, кому нужно было пройти мимо виселицы, низко опускали голову и убыстряли шаг.

Целый месяц провисело тело Зои, раскачиваемое ветром и осыпаемое снегом. Когда через деревню проходили фашистские части, тупые фрицы окружали эшафот и долго развлекались, тыча в тело палками и раскатисто гогоча. Потом шли дальше, и через несколько километров их ждало новое развлечение: возле участковой больницы висели трупы двух повешенных немцами мальчиков.

Так шагали они по земле, утыканной виселицами, злитой кровью и вопиющей о мщении.

В ночь под Новый год перепившиеся фашисты окружили виселицу, стащили с повешенной одежду и гнусно надругались над телом Зои. Оно висело посреди деревни еще день, исколотое и изрезанное кинжалами, а вечером 1 января переводчик распорядился спилить виселицу. Староста кликнул людей, и они выдолбили в мёрзлой земле яму в стороне от деревни.

Здесь, на отшибе, стояло здание начальной школы. Немцы разорили его, парты сожгли в печке, содрали полы. Между этой растерзанной школой и опушкой леса, среди редких кустов была приготовлена могила.

Тело Зои привезли на дровнях, с обрывками верёвки на шее и положили на снег. Лицо её, лицо красивой русской девушки, сохранило ещё какую-то свежесть и чистоту.

— Надо бы обернуть чем-нибудь, — сказал один из рывших могилу крестьян.

— Ещё чего! — прогнусавил переводчик. — Почести ей отдавать вздумал?

Недолго ещё враги поганили землю, где была похоронена Зоя.

Красная Армия наступала. Немцы бежали из Петрищева в сторону Дорохова.

Дойдя до соседней деревни Грибцово, немцы подожгли её. Грибцово сгорело всё целиком. Погорельцы потянулись в Петрищево искать приюта. И из других окрестных деревень, сожжённых фашистами, тянулись сюда обездоленные семьи, волоча за собой на салазках закутанных и плачущих детей и остатки домашнего скарба.

Лишь на другой день отступившие немцы вспомнили, что Петрищево-то они и не подожгли. Из Грибцова был послан отряд в двадцать четыре человека. Этим людям приказали вернуться и

сжечь Петрищево. Но двадцать четыре поджигателя были перепуганы. Им казалось, что красноармейцы вот-вот покажутся у околицы Петрищева. И они, побоявшись возиться с поджогом, рысцой пробежали по деревне, переколотили палками все окна в домах и скорее понеслись вдогонку за своей частью.

Так уцелела деревня Петрищево. И в ней остались свидетели страшной расправы гитлеровцев со славной партизанкой Зоей Космодемьянской, сохранились места, связанные с её героическим подвигом, сохранилась и святая для русских людей могила, где покоится прах Зои.

Проклятый враг покатился назад — долой с нашей земли. Войска генерала Леонида Говорова первыми быстро прошли через Петрищево, преследуя отступавших к Можайску фашистов.

И все бойцы советских армий, которым случится ещё побывать в Петрищеве, направляясь на запад, чтобы довершить разгром гитлеровских орд, снимут шапки и до земли поклонятся маленькому могильному холмику.

И скажет бойцу командир:

— Друг! Целясь в фашистов, вспомни Зою. Пусть пуля твоя полетит без промаха и отомстит за неё. Идя в атаку, вспомни Зою. Распори фашистское брюхо своим штыком — за Зою. Расколи фашистский череп своим прикладом — за Зою. Не знай жалости, как не знали её они!

И бойцы поклянутся над могилой страшною клятвой. Они пойдут в бой, и с каждым в сердце его пойдёт в бой Зоя.

И немеркнущая слава разнесётся о ней по всей советской земле, и миллионы людей будут с любовью думать о далёкой заснеженной могиле, и Сталин мысленно придёт к надгробью своей верной дочери.

Ответ. за выпуск В. МИЛОСЕРДОВ.

Книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдоч _____

Цена 50 коп.

Переплетила
С. Т. Чудова

